

ХАНТЕР С. ТОМПСОН

ХАНТЕР С

ТОМПСОН

**ЛУЧШЕ, ЧЕМ
СЕКС**

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111(73)-311.2 Томпсон
ББК 84(7Сое)-44
Т56

Серия «Чак Паланик и его бойцовский клуб»

Hunter S. Thompson
BETTER THAN SEX

Перевод с английского А. Скобина

Серийное оформление *В. Половцева*

Печатается с разрешения The Gonzo Trust
и литературного агентства The Wylie Agency (UK) Ltd.

Томпсон, Хантер С.

Т56 Лучше, чем секс / Хантер С. Томпсон; пер. с англ. А. Скобина. — Москва: Издательство АСТ, 2017. — 285, [3] с. — (Чак Паланик и его бойцовский клуб).

ISBN 978-5-17-085518-6

Мог ли «великий и ужасный» Хантер Томпсон повторить успех своего легендарного «Страха и отвращения в Лас-Вегасе»?

Как оказалось — мог.

Перед вами — «Лучше, чем секс».

Книга — скандал, книга — сенсация.

Книга, в которой Томпсон, с присущим ему умением называет вещи своими именами, раскрывает тайны большой политики.

Как стать президентом?

Или хотя бы занять теплое местечко в «королевской рати»?

Что для этого надо сделать — а чего, наоборот, не делать ни за что?

Хантер Томпсон во всеулышание рассказывает о том, о чем не принято говорить. И говорит так, что наркотические откровения героев «Страха и отвращения» кажутся очень даже наивными!

УДК 821.111(73)-311.2 Томпсон
ББК 84(7Сое)-44

Старая Женщина и Змея

притча

Старая женщина шла по дороге и увидела, как банда головорезов бьет ядовитую змею. Она спасла змею и принесла её к себе домой, и ухаживала за ней, пока змея не выздоровела. Они стали друзьями и жили вместе много месяцев. Однажды они вместе пошли в город, и старая женщина подняла змею на руки, и та укусила женщину. Несколько раз подряд. «О, Бог, — закричала женщина. — Я умираю! Почему? Я была твоим другом. Я спасла твою жизнь! Я доверяла тебе! Почему ты меня укусила?»

Змея посмотрела на неё и сказала: «Леди, вы знали, что я змея, когда подняли меня первый раз».

ЧЕТВЕРТАЯ ПОПРАВКА К КОНСТИТУЦИИ США

Право народа на охрану личности, жилища, бумаг и имущества от необоснованных обысков и арестов не должно нарушаться. Ни один ордер не должен выдаваться иначе, как при наличии достаточного основания, подтвержденного присягой или торжественным заявлением; при этом ордер должен содержать подробное описание места, подлежащего обыску, лиц или предметов, подлежащих аресту.

Ворон

«Ты пророк, — вскричал я, — вещий! Птица ты — иль дух зловещий?»

«Вынь свой жесткий клюв из сердца моего, где скорбь — всегда!»

Каркнул Ворон: «Никогда».

И сидит, сидит зловещий Ворон черный, Ворон вещий,
С бюста бледного Паллады не умчится никогда.

И душа моя из тени, что волнуется всегда,
Не восстанет — никогда!

– Эдгар Аллан По, 1845¹

Хроника Кампании, которая начинается на странице 54, является тем, чем выглядит – перекидным календарем реальных событий, больших и маленьких, событий, которые оставили след в президентской кампании 1992 года. Жизнь шла вперед, и не так уж много изменилось за эти убогие недели. Но если сегодня вечером в Грязьвилле² нет веселья, Хроника Кампании объяснит – почему.

– ХСТ

¹ Перевод К. Бальмонта.

² Mudville (англ.)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ГОНЗО

ГЛАВА 1

АВТОРСКИЕ ЗАМЕТКИ

Признание наемного стрелка: жестокий юмор на предвыборной тропе, от убийства Джона Кеннеди до преступлений маркиза де Сада

Тонкая молодая рука. Линия точек от укулов. Найди её. Воткни иглу и толкай поршень, наблюдая, как оглушает джанк. Введи дерьмо полностью. Напитай джанком каждую голодную клетку твоего молодого тела.

— Уильям С. Берроуз
Машина размягчения

Джон Ф. Кеннеди отвоевал Белый Дом у Ричарда Никсона в ходе безумной избирательной кампании. Тогда целое поколение американцев превратилось в политических джанки. За свои труды Джон Кеннеди получил пулю в голову. Убит в Далласе, несчастным сумасшедшим по имени Освальд, который работал то ли на Кастро, то ли на мафию, а может быть, на Джимми Хоффа, ЦРУ, свою властную госпожу или гнусного дегенерата, шефа ФБР Эдгара Гувера. Список длинный и безумный. А может быть, с Травяного Холма¹ стрелял первый муж Мэрилин Монро? Кто знает? Целое поколение американских журналистов

¹ *Покрытый травой холмик на площади Дили в Далласе, с которого предположительно был сделан выстрел, убивший Джона Кеннеди. Со временем «травяной холм» стал сленговым выражением, которое используется для обозначения заговора, скрытия улик и тому подобных вещей.*

всё ещё испытывает неловкость из-за того, что не может ответить на этот вопрос.

Дух Джона Кеннеди будет бродить по американским коридорам власти, пока трава будет зеленой и реки текут к морю... Даю слово, Бубба! Я слышу его шаги вот уже 30 лет. И я по-прежнему чувствую вину из-за того, что не в состоянии объяснить сыну события, которые произошли в мире за время моей жизни. Однажды, не так давно, я дошел до предела отчаяния и признался в убийстве Кеннеди. Ясным утром мы сидели в ресторане в Баулдере и заканчивали завтрак. Стильное место рядом с университетским городком. Здесь благопристойные люди могли встретиться, придя якобы прямо из церкви, и по-светски надраться белым вином, сидя рядом с мимозами. Между столами стояли папоротники и пальмы в горшках. Яркие оранжевые цветы свисали из подвешенных ваз.

Сам не могу объяснить, почему я начал рассказывать о том деле. Всю ночь накануне я даже не прилег. Мы с Алленом Гинзбергом, поэтом и моим давним другом, пили виски и скользили в пропасть алкогольного безумия. Это было прекрасно, но когда наступил полдень, моя голова всё ещё слегка кружилась.

«Сынок, — сказал я, — жаль портить тебе завтрак, но пришло время сказать тебе правду о том, кто убил Джона Кеннеди».

Он кивнул в ответ. Я старался говорить низким голосом, но мне мешали эмоции:

«Это был я. Я тот человек, который застрелил Джека Кеннеди».

«Что?» — сказал он, быстро оглянувшись, чтобы проверить, слушают ли нас соседи. А они слушали. В любом месте земного шара упоминание имени Кеннеди всегда заставляет повернуться несколько голов. И только бог знает,

что может почувствовать профессор американской политической истории, услышав как какой-то седой головорез, сидя в уютном баре, признается своему сыну в том, что он — убийца Джона Ф. Кеннеди. Такие фразы не остаются не услышанными. Мой сын наклонился вперед. Он пристально глядел мне в глаза, пока я рассказывал о деталях того дела и объяснял, почему много лет назад хладнокровно убил Президента. Я говорил о баллистике и предательстве, и моей «секретной работе на правительство» в Бразилии в шестидесятых годах, когда я, якобы, работал в Корпусе Мира.

«Я завязал с убийствами приблизительно в то время, когда ты родился, — сказал я. — Но до сегодняшнего дня никак не мог решиться рассказать тебе обо всем».

Он серьезно кивнул, затем, через секунду, рассмеялся и заказал чаю. «Не переживай, отец», — сказал он.

«Хороший мальчик, — сказал я. — Наконец мы можем быть честными друг с другом. Впервые за 30 лет чувствую себя открытым и чистым».

«А я — нет, — ответил он. — Мне придется тебя сдать».

«Что? — закричал я. — Ты, маленький вероломный ублюдок!» Множество голов повернулись к нам. Для них это был сверхъестественный момент. Человек, который убил Кеннеди, только что публично признался своему сыну, а теперь они проклинают друг друга.

Боги, что дальше?

Действительно, что? Как должно покоробить ребенка, рожденного в шестидесятые, сообщение о том, что его отец был наемным стрелком, который убил Кеннеди. Что делать? Звонить в полицию? Священнику? Или вести себя как таракан и не говорить ничего?

НЕ УДИВИТЕЛЬНО, что бедные ублюдки из Поколения Икс потеряли чувство юмора в том, что касается по-

литики. Некоторые вещи не смешны для обреченных. Особенно если обреченные только что выбрали Президента, у которого вообще нет чувства юмора. Шутки кончаются, если даже победа превращается в стремительный бег вниз по склону: к невзгодам, разочарованию и тошнотворному ощущению, что вас предали. Если вы можете смеяться, столкнувшись с такими вещами лицом к лицу, вы годитесь для работы на серьезного кандидата в президенты. Предвыборная кампания наполнена жестоким и грубым юмором. Думаете, вам нравятся шутки? Тогда попробуйте потусоваться после полуночи с наемными убийцами вроде Джеймса Карвилла или покойного Ли Этуотера¹, который умер от рака в 1991 году. Его смерть стала фатальной потерей для Буша в его борьбе за повторное избрание. Этуотер мог сказать, без всякой злобы, что хочет кастрировать Майкла Дукакиса, затолкать ему в глотку его отрезанные яйца и выкинуть на пустыре в Бостоне. Этуотер часто говорил слова, от которых люди ежились. Сам он при этом обычно улыбался, а люди пытались смеяться.

«В его словах есть Глубокая Подоплека, — размышляли они, — *разумеется*, он выразился фигурально». Дьявол! В некоторых штатах вы можете попасть в *тюрьму* за такие угрозы. *Преступное запугивание* — два года минимум. *Заговор* для совершения Убийства и/или Преступное Нападение с Намерением нанести Значительные Телесные Повреждения — минимум 50 лет в Арканзасе и Техасе. А также — Похищение (смерть), Изнасилование, Содомия и Уродование со злым умыслом, Измена, Лжесвидетельство, Большой Сексуальный Обман и Заговор с целью Совершения всего вышеупомянутого (600 лет, минимум)... Получите срок, хотя на самом деле никто ничего не *сделал*. Хо, хо. Как насчет колес

¹ Известный «грязный» политтехнолог.

правосудия, Бубба? Шестьсот пятьдесят два года — всего лишь за несколько порций джина, выпитых за обедом, и обмен шутками среди воинов...

Ричард Никсон не был мошенником. Хо, хо. Джордж Буш был чист. Хо, хо.

Эд Роллинс дал взятку всем негритянским проповедникам в Нью-Джерси, чтобы получить голоса черных на выборах губернатора в 1993 году. Хи-хи.

Джеймс Карвилл поджжёт сердце Гамильтона Джордана, а потом отказался поссать ему в глотку, чтобы ненароком не спасти его жизнь. Хо, хо.

Вот сорт юмора, от которого приходят в восторг джанки политических кампаний. Такие анекдоты они рассказывают своим детям — по тем же извращенным мотивам, которые заставили меня за завтраком признаться сыну в том, что я снес голову Джона Кеннеди в Далласе.

Надо быть очень подлыми, чтобы смеяться на предвыборной тропе. Нет таких вещей как паранойя.

НЕ КАЖДЫЙ ЧЕЛОВЕК может хохотать над такими вещами, но если хотите, чтобы вас избрали, лучше быть Подлым, чем Забавным.

Жестокие шутки — весомая часть жизни в среде, где фанаты скорости, трудоголики и обсессивно-компульсивные политические джанки рвут себе пупки день и ночь тринадцать месяцев подряд на собственном адреналине и стимуляторах, которые они глотают в возрастающих дозах каждый день с надменностью того сорта, что приходит, когда вы пытаетесь скрестить Чистоту и Честолюбие, а потом видите себя на первой странице *Нью-Йорк Таймс*, на фотографии, рядом с будущим президентом, который схо-

дит с самолета в Техасе или Бостоне, или Вашингтоне, окруженный бандой суровоглазых агентов Секретной Службы США; агенты сопровождают вас через толпу, а толпа выкрикивает приветствия...

Это острые ощущения. Они, как скажут многие, дают больше кайфа, чем любой наркотик. Возможно, они *лучше, чем секс...* — что является странной теорией и поднимает тревожные вопросы личного характера. Но, всё же, теория есть теория, и бывают дни, когда в неё верю даже я. Правда, верю не по настоящему, и такие дни настолько редки, что даже не могу вспомнить, когда это было. Но когда вспоминаю, ощущения похожи на гвоздь, воткнутый в глаз. Боль проходит, но рана остается навсегда. Рубец никогда не заживет до конца — а когда кажется, что дело идет к этому, я его снова ковыряю. У меня есть рубцы, которые появились 33 года назад, а я всё ещё помню, как они возникли, как будто это было вчера.

НЕ КАЖДЫЙ ЧЕЛОВЕК спокойно мирится с мыслью, что политика — преступное пристрастие. Но это *так*. Они — *наркоманы*, и они *преступники*. Они лгут и жульничают, и крадут — как все джанки. А когда их охватывает неистовство, они способны пожертвовать всем и всеми, чтобы удовлетворить свою жестокую и тупую страсть. И лекарства от этого не существует. Это образ мысли, присущий наркоманам. Это политика — особенно во время президентской кампании. Когда наркоманы захватывают высокие позиции. Их больше ничего не беспокоит. Они лососи, и они должны отметать икру. Они наркоманы, и я тоже. Эта рыба слышит свою музыку, а я слышу свою. Политика похожа на Гвинейского Червя¹. Он проникает в ва-

¹ *Подкожный паразит.*

ше тело и растет подобно пузырю изнутри, пока не становится таким большим и сильным, что прорывается прямо через кожу — жуткий красный червь. У него есть голова, и он похож на крошечную кобру. Червь хватается за глоток воздуха и пытается дышать. Правда! Такие картинка есть в Энциклопедии Британика. Гвинейский Червь существует на самом деле — как и политика. Единственное различие: вы можете избавиться от червя, схватив его за голову и намотав его тело на палочку. Червя из своей плоти надо вытаскивать очень медленно, как птица вытаскивает земляного червя из его норы. Избавиться от политической наркомании не так легко. Этот червь меньшего размера, и он мигрирует вверх, к черепу, где растет, питаясь тканями. На этой стадии его нельзя обнаружить, и обычно ставится диагноз заражения обычной «мозговой трематодой» — что также неизлечимо — и к тому времени, когда он становится достаточно сильным, чтобы пробурить путь через мягкие точки черепа, дотронуться до него решится не каждый специалист по изгнанию бесов.

Проблема Гвинейского Червя ограничена главным образом экваториальной Африкой, слава богу. Мы, в нашей стране, не готовы к таким проблемам. Снижение стандартов уровня жизни — одно дело, но трудно привыкнуть к мысли, что любое изменение кожи на вашей ноге может быть первым признаком червя, который собирается выбраться наружу. Для нормального американца такая ситуация по-прежнему выглядит неприемлемой. Даже одиночный (подтвержденный) случай заражения Гвинейским Червем в Вашингтоне был бы воспринят как дурной знак, предвещающий конец президентства Билла Клинтона. Эпидемия прикончила бы Демократическую партию, и в Белый Дом въехал бы, лет на двадцать, Пат Бьюкенен.